

— Старший Юнь, — голос Цзи Чжайсина звучал мягко, — столь ценный дар слишком велик для меня, Чжайсин не достоин его.

Перед ним стоял Истинный владыка, достигший Разделения Духа. Его серебряные волосы, словно иней, оттеняли холодный, почти ледяной облик. Спина прямая, как бамбук, а в чёрных глазах, казалось, застыла лишь тень мирского. В этих глазах отражался улыбающийся Цзи Чжайсин — юноша, чья красота и изящество могли бы пленить сердца многих девушек. Однако во взгляде Юнь Шу не было ни волнения, ни восхищения, лишь спокойная бесстрастность.

— Не стоит, — произнёс Юнь Шу. — На двадцать третье число следующего месяца назначена Церемония даосских спутников. Ты должен как можно скорее достичь уровня Золотого ядра, иначе это может бросить тень на репутацию нашей секты.

Цзи Чжайсин, казалось, не заметил холодности в словах старшего, словно те были наполнены теплом и заботой. Он лишь слегка кивнул.

Тем временем Тан Хуаймэн, пробираясь сквозь снег, падающий на длинный павильон, сквозь полупрозрачную занавесь, поднимаемую ветром, увидел, как Цзи Чжайсин стоит перед своим учителем с улыбкой на лице.

Юноша казался невероятно покорным. Его губы, ярко-красные, слегка изгибались в нежной улыбке, а холодная белизна кожи лишь подчёркивала его спокойствие. Однако его длинные, изящные пальцы сжимали шкатулку, содержимое которой он знал слишком хорошо — Золотое ядро Золотого воробья.

Он выглядит так красиво, но внутри — лишь пустота. Подумать только, он только и знает, что выпрашивает у учителя духовные сокровища, чтобы повысить свою силу. Настоящие практикующие презирают таких.

Тан Хуаймэн подумал об этом, даже не замечая, как пристально он смотрит на юношу.

Тан Хуаймэн ненавидел Цзи Чжайсина с того самого дня, как тот появился в Секте Меча Минлин. Или, точнее, с того момента, как учитель представил его как своего избранного даосского спутника. Тан Хуаймэн ожидал, что спутник учителя будет великим мастером, достойным его, но вместо этого оказался посредственным мечником с низшего мира, едва достигшим Заложения Основы в восемнадцать лет, без каких-либо достоинств, кроме лица.

Но это был выбор его учителя. И как бы Тан Хуаймэн ни был разочарован, он мог лишь скрывать свои чувства под холодным взглядом учителя. Лишь иногда, когда они сталкивались, он не мог скрыть своего пренебрежения.

— Учитель, — как второй ученик старшего Юнь Шу, Тан Хуаймэн обладал не только выдающимся талантом, но и знатным происхождением, что позволяло ему не церемониться с Цзи Чжайсином. — Истинный владыка Южного моря хотел бы сообщить нечто важное,

касающееся секты, но, боюсь, это не для чужих ушей.

Юнь Шу ещё не успел ответить, как черноволосый мечник с улыбкой на губах вежливо произнёс:

— Я пойду полюбуюсь снегом.

Тан Хуаймэн невольно посмотрел на него. Цзи Чжайсин опустил глаза, длинные ресницы отбрасывали тени на его лицо. Заметив взгляд Тан Хуаймэна, он слегка наклонил голову в знак уважения и вышел.

Весь его жест был исполнен вежливости и сдержанности.

Тан Хуаймэн задумался. Согласно слухам в секте, Цзи Чжайсин был крайне льстивым и угодливым практикующим. Почему же он не ведёт себя так же с ним? Почему он не пытается угодить и не проявляет той же покорности?

Казалось, в Секте Меча Минлин только учитель достаивался его улыбки.

На самом деле, сообщение Истинного владыки Южного моря было незначительным, но Тан Хуаймэн почему-то не хотел, чтобы Цзи Чжайсин оставался в комнате с учителем, и намеренно затянул разговор. Лишь когда Юнь Шу начал проявлять нетерпение и вежливо попросил своего любимого ученика удалиться, Тан Хуаймэн наконец ушёл.

На улице уже темнело. Под действием магических чар вдоль коридора загорались фонари Бихай. Их свет, мягкий и рассеянный, как лунный, окутывал всё вокруг, словно серебряная ткань.

Цзи Чжайсин, освещённый светом фонарей, стоял, наблюдая за падающим снегом.

Тан Хуаймэн был удивлён. Он не ожидал, что Цзи Чжайсин всё ещё будет ждать снаружи.

Поскольку Юнь Шу обладал ледяным духовным корнем, весь Пик Чуюнь был покрыт магическими чарами, и снег шёл постоянно, а холод был пронизывающим. Внутри залов было теплее, но на улице, несмотря на красоту пейзажа, ветер был ледяным. Для Цзи Чжайсина, едва достигшего Заложения Основы, это было тяжелым испытанием.

Судя по инею на его одежде, он стоял здесь уже долгое время.

Тан Хуаймэн, не замечая, как изменилось его выражение лица, подошёл и резко потянул черноволосого юношу внутрь, невольно защищая его от ветра и снега.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он, и его голос звучал сурово.

Рука, которую он держал, была тонкой и мягкой, и даже через ткань одежды Тан Хуаймэн почувствовал её тепло. Он на мгновение задумался.

Цзи Чжайсин, казалось, только сейчас заметил его и слегка поднял голову.

Его глаза, хотя и глубокие, как бездна, не вызывали чувства опасности. От холода его лицо было бледным, даже белее, чем снег за окном, но губы оставались ярко-красными и мягкими, словно он только что пил кровь. Это сочетание было поразительным.

Тан Хуаймэн не понимал, почему он так внимательно рассматривал лицо другого мужчины. Он лишь на мгновение потерял самообладание, а затем заговорил ещё более резко:

— Ты выглядишь так, будто я намеренно оставил тебя на холоде... — он запнулся, потому что это действительно было так. Именно он выгнал Цзи Чжайсина и намеренно затянул разговор с учителем.

Цзи Чжайсин не проявлял особого интереса к словам Тан Хуаймэна. Он освободил свою руку из захвата и спокойно сказал:

— Старший Тан ошибается.

— Скоро время вечернего приветствия. Я пойду к старшему Юнь.

Тан Хуаймэн нахмурился и с раздражением сказал:

— Если бы ты тратил столько же усилий на практику, сколько на угождение учителю, ты бы не был таким бесполезным.

Он протянул руку, чтобы отобрать шкатулку с Золотым ядром, но случайно коснулся запястья Цзи Чжайсина. Кожа была холодной, но невероятно мягкой.

Он резко отступил назад, и в свете фонарей его лицо внезапно покраснело.

Тан Хуаймэн быстро отвернулся, чтобы не смотреть на Цзи Чжайсина, но всё же бросил:

— Я советую тебе выбросить это Золотое ядро. Использование таких сокровищ для практики — это лишь временное удовольствие. Когда наступит время небесной кары, твоя слабая сила не выдержит и двух ударов!

Он быстро ушёл, стараясь скрыть своё смущение. Однако, услышав спокойный ответ Цзи Чжайсина, он слегка споткнулся, сдерживая раздражение.

— Я не выброшу.

Цзи Чжайсин наблюдал, как фигура Тан Хуаймэна исчезает в коридоре, и достал шкатулку из рукава. Его пальцы скользнули по изящным узорам на крышке, и на его лице появилась легкая улыбка.

В его глазах Тан Хуаймэн, несмотря на свою неприязнь, всё же сохранял детскую наивность, что делало его похожим на ребенка по сравнению с его учителем.

Цзи Чжайсин не был тем юношей, которого внезапно возвысили из бедной секты, и который теперь трепетал перед великим мастером.

Он был существом, прошедшим бесчисленные перерождения и испытавшим множество абсурдных смертей.

Лишь в прошлом мире он осознал, что может противостоять «сюжету», вложенному в его сознание, и выбирать совершенно иной путь, добиваясь спокойного конца.

Этот опыт принёс ему огромное удовольствие.

Он больше не хотел умирать.

Или, точнее, он хотел выбрать свою собственную, комфортную смерть.

В этом мире «сюжет» ясно говорил ему, что он был спасён Юнь Шу из мира, лишённого духовной энергии. Изначально Юнь Шу хотел сделать его учеником Секты Меча Минлин, но случайно обнаружил, что он обладает Дао-костью Хуау.

Дао-кость Хуау — это не настоящая кость, а духовный корень, прикрепленный к кости. Она может самостоятельно поглощать окружающую духовную энергию, позволяя даже самому бездарному практикующему легко достичь высот и обладать обширным духовным морем.

Просто Цзи Чжайсин родился в мире, где духовная энергия была настолько скудной, что Дао-кость Хуау не могла проявить себя.

Это было благом, ведь обладатели Дао-кости Хуау никогда не могли достичь бессмертия и обычно заканчивали плохо — ведь её можно было украсть.

Даже такой холодный и расчётливый мастер, как Юнь Шу, не смог устоять.

Но он хотел использовать её не для себя, а для своего ученика.

<http://bllate.org/book/15565/1385332>